

УДК 821.161.1 : 82-311.3

Звилинская Лидия Анатольевна
учитель русского языка и литературы I категории
МБОУ «Кольчугинская школа № 1»
с. Кольчугино, Симферопольский р-н

Икитян Людмила Нодариевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
Института педагогического образования и менеджмента (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им.
В. И. Вернадского»
г. Армянск

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ОСВОЕНИИ
ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ : КОНТЕКСТЫ ПОНИМАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ
ЦИКЛА В. АСТАФЬЕВА «ЦАРЬ-РЫБА»**

В данной работе с позиций компетентностного подхода обозначены важнейшие концептуальные направляющие процесса освоения школьниками деревенской прозы. В статье рассмотрены ключевые аспекты и типичные черты литературы о русской деревне. Они проанализированы в свете факторов, необходимых для постижения всего её массива (и, в частности, рассказов Виктора Астафьева из цикла «Царь-рыба») в рамках школьного курса русской литературы. Авторами предложена система учебных заданий и вопросов для формирования соответствующих компетенций учащихся в ходе педагогических образовательных практик.

Ключевые слова: русская литература второй половины XX века, деревенская проза, писатели с периферии, соцреализм, экология души, Виктор Астафьев, цикл «Царь-рыба».

Lidiya Zvilinska
teacher of Russian language and literature
Kolchugino, Simferopol region

Lyudmila Ikityan

Ph.D. (Philology) , Associate Professor
Institute of Pedagogical Education and Management (branch)
«Crimean Federal University. V. I. Vernadsky»
Armyansk

IMPLEMENTATION OF COMPETENCE APPROACH IN DEVELOPING VILLAGE PROSE: THE CONTEXTS OF UNDERSTANDING AND LEARNING ASTAFYEV'S CYCLE "KING-FISH")

In this work the authors through the use of competence-based approach identifies the key concepts required for development within the school curriculum. The article examines the key aspects and typical features of rural prose. They are analyzed in light of the factors necessary for the attainment of the whole array (and, in particular, the stories of Victor Astafiev from the series "King of fish") as part of the school course of Russian literature. As a result of analysis, the authors propose a system of teaching methods, the implementation of which allows to ensure the development of the moral and philosophical meaning for the development of village prose.

Key words: Russian literature of the second half of the twentieth century, the village prose, writers from the periphery, Socialist Realism, ecology of the soul, Victor Astafiev, cycle "King-fish".

В обстоятельствах нивелирования представлений современного школьника о реальных «измерениях» жизни формирование системы нравственных ценностей и, в целом, реализация компетентного подхода в его обучении представляются проблематичными. Поднятые русской литературой в XX веке темы нынешним подросткам кажутся неактуальными, а культурные «универсумы», нашедшие отражение в «зеркале» художественного слова этого периода, – непривлекательными. Особенно сложно увлечь подростков тем массивом русской культуры, идейно-образный строй которого «взращён» российской действительностью. Немалых усилий стоит убедить юное

поколение и в том, что проблемы прошлого, которые, как кажется, остались в минувшем столетии с его революциями, раскулачиванием крестьян и коллективизацией, ударными стройками и циклопическими проектами-экспериментами, сегодня не просто злободневны, а находятся в фазе нового обострения. О неизбежности возрождения этих проблем в век технического прогресса, потребительского отношения к Природе и Человеку настойчиво предупреждали авторы деревенской прозы.

Художественный и духовный потенциал деревенской прозы, рассматриваемый нами в отдельных факторах, необходимых для её постижения и изучения в рамках школьного курса, стал предметом нашего исследования. Цель же данной работы – осветить ключевые аспекты деревенской прозы в контексте корректного представления и освещения на уроках русской литературы в процессе изучения произведений авторов-«деревенщиков», в частности, цикла «Царь-рыба» Виктора Астафьева. Теоретические и аналитические выкладки дополнены практическими заданиями, которые можно использовать на уроках литературы. Задания разработаны с учётом разного уровня подготовки учащихся; направлены на активизацию межпредметных связей, формирование навыков анализа литературного текста, а также на воспитание стойкой гражданской позиции выпускников¹.

О сложности русской литературы XX века и об историко-культурных, политико-идеологических процессах, обусловивших её неоднозначность, сказано много. В достаточной мере раскрыты и наиболее яркие её направления, в числе которых и деревенская проза – одно из наиболее самобытных. Терминологические её характеристики неоднозначны: до сих пор существует разброс дефиниций от уничижительного «общность» (Г. Цветов), безликого – «литература о деревне» (В. Саватеев) до более конкретизирующего – «явление» (А. Герасименко, В. Недзвецкий) и весомого – «течение» (Л. Вильчек, К. Парте) [подробнее см. 3, с. 140–141]. Однако во всей колоритности и значительности

¹ Задания для учеников акцентированы в тексте курсивом.

это «наиболее сильное в проблемном и эстетическом отношении литературное направление» [8] характеризует определение «феномен» (А. Большакова, А. Мартазанов).

Фундаментом литературы о подлинной русской деревне стала ситуация исторического кризиса русской глубинки, взъерошенной и надорванной эпохой соцсоревнований. Ею обусловлены стержневые коллизии деревенской прозы второй половины прошлого века, где не осталось места ни характерному литературе XIX столетия любованию «сельским» провинциализмом и патриархальностью, ни воспеванию «хозяйственной» пользы – главной ценности деревни для молодого советского искусства начала XX века. Феноменальный облик искусства авторов – «деревенщиков» определила установка на «архетипный» эстетический идеал, выработанный «на основе крестьянского мироощущения и <...> поэтических воззрений на людей и природу древних земледельцев, скотоводов-пастухов» [2, с. 6]. Симптоматично, что все авторы – Ф. Абрамов, С. Залыгин, Б. Можаяев, Е. Носов, В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин, В. Солоухин и др. – писатели с периферии, люди глубинки, сердцем болеющие за сохранность её природы, за чистоту «деревенского» мировосприятия, за экологию как окружающего мира, так и человеческой души. Следовательно, их творчество представляет богатый материал для формирования компетенций, связанных с нравственным воспитанием личности.

В связи с этим выделим основанные характеристики литературы о русской деревне, оказывающие наибольшее влияние на формирование указанных компетенций.

1. Противостояние официальной социалистической идеологии и принципам соцреализма в искусстве.

Деревенская проза с момента её возникновения (50-е гг. XX в.) и до наивысшего своего развития (70–80-е гг.) была литературой глубоко русской и совершенно не советской. По точному замечанию А. Солженицына, прозаики этого направления творили «без какого-либо угождения, кадения советскому

режиму, как бы позабыв о нём» [цит. по: 9]. «Полное собрание произведений писателей-деревенщиков, – писал Вольфганг Казак, – это самый суровый приговор ценностям социализма» [цит. по: 11, с. 49].

Проза «новой волны» (70–80-х гг.) в целом явилась выражением оппозиции к системе, уничтожающей «корневое». Популяризированное в советские времена убеждение, что «всё вокруг родное, всё вокруг моё», для деревни было губительно. Бесконтрольное потребление природных богатств – браконьерство, рвачество, стремление к наживе – узловым конфликт и основной мотив произведений авторов деревенской прозы.

В качестве задания на опережение для усвоения этой черты деревенской прозы можно подготовить индивидуальное сообщение или презентацию на тему: «Соцреализм как литературный метод. Основные черты и яркие представители соцреализма».

2. Общественная направленность и социальная злободневность.

Деревенская проза изначально коррелировала с общественной жизнью, подвижки которой активно влияли на жизнь села. Проблемными для неё становились как весьма утилитарные вопросы сельскохозяйственного производства, или попросту хлеба насущного, так и глобальные такие, например, как утрата своей самобытности и национальной идентичности. В кругу факторов, что критически осмыслились писателями, оказывались «эпохальные» процессы, как-то: постреволюционное раскулачивание, сталинская коллективизация, хрущёвская борьба с «мелкособственничеством», брежневские «проекты» покорения природы и ликвидации «неперспективных» сёл.

В отражении непосредственного состояния дел села и заключается злободневность деревенской литературы. При этом авторы не просто обозначают проблемы русской глубинки, но стремятся найти решение, причём не столько литературное, сколько жизненное.

Для освоения данных идей «деревенской прозы» удобна методика межпредметных связей в траектории история-литература-экология. Возможны, в частности, такие задания:

1. указать, какие проекты планировались в 50–80-е годы в СССР, какие последствия для экологии они имели? Устранены ли они сегодня? Какие из этих «проектов» нашли отражение в произведениях деревенской прозы? (Работа в экспертной группе);

2. подобрать наглядный материал для иллюстрирования следующих тем: «Сибирь нетронутая – Сибирь „очеловеченная“», «Экологические катастрофы: причины, следствия, пути решения» (Дополнительное индивидуальное задание).

3. Чётко сформулированная и активно отстаиваемая гражданская позиция.

Главное оружие художника, как известно, – его искусство. Но многие писатели в отстаивании своих позиций активны в социально-политической жизни. Большое количество авторов-«деревенщиков» являлось общественными деятелями, зачинателями гражданских инициатив как, например, В. Распутин стал организатором протеста против проекта поворота вспять рек Сибири, поддержанного многими писателями. В 60-е годы авторы деревенской прозы выступали против кампании по уничтожению неперспективных деревень с целью укрупнения населённых пунктов.

Для освоения данной позиции также возможно использование межпредметных связей в траектории история-литература-экология. Например:

1) задание для работы в экспертной группе: определить роль общественности в противостоянии власти в вопросах экологии. Охарактеризовать роль писателей в этом противостоянии;

2) индивидуальное задание: проанализировать названия произведений разных авторов (в частности, «Последний поклон», «Прощание с Матёрой», «Последний срок», «Прости, прощай» и т. п.), выяснить, какой мотив лежит в их основе и как он реализован в этих произведениях. Какие события общегосударственной политики нашли отражение в этих текстах (одно произведение на выбор учащихся).

3. Публицистичность и «очерковость» деревенской прозы.

Главная задача авторов деревенской прозы – донести до читателя идею рачительного использования природных богатств и, шире, сохранности русской «корневой» ментальности. Социокультурные проблемы очертили жанровые и стилистические особенности повествования – очерковость (достоверную, с документальной точностью передачу непосредственных наблюдений над социально значимыми фактам повседневности и её рядовыми героями) и публицистичность стиля (эмоциональность, оценочность, призывность в обращении к общезначимым вопросам текущей жизни общества и воздействие на широкую читательскую аудиторию) [см. 1; 10].

Здесь возможно выполнение индивидуального задания на опережение следующего характера: составить конспект (для сильных учеников) или тезисы (для учеников послабее) на тему: «Очерк как жанр. Особенности стиля».

4. Пафос предостережения.

«Исследование глобальной по своему характеру проблемы трагических судеб деревни в прошлом и настоящем, тревога за её будущее» [4, с. 40] привели авторов к ощущению печального исхода микромира русской глубинки и макромира человечества. Деревенская проза показала, что постреволюционный этап в развитии государства разрушил русскую деревню, ставшую за несколько тысячелетий отдельной цивилизацией, основой русской культуры.

Меньше чем за столетие мир русской деревни рухнул, вместе с десятками тысяч судеб погребая под собой традиции, мораль, сакральные начала России. В результате, к 80-м годам «деревенская проза <...> приобретает тон апокалиптический. „Пожар“ Распутина, „Печальный детектив“ и „Людочка“ Астафьева, роман Белова „Всё впереди“, повесть В. Крупина „Прощай, Россия, встретимся в раю“ – это уже крик отчаяния, удар в набат, полная потеря надежды не просто на светлое будущее, но даже на какую бы то ни было возможность сохранения остатков прошлого» [6, с. 375].

5. Глубоко нравственная тематика и проблематика.

По нашему мнению, эта черта довольно объёмна в своих характеристиках, поэтому для её успешного освоения уместно провести

предварительную работу на повторение, систематизацию и сопоставление художественного материала. Например, выполнить задания в группах:

1) подготовить подборку стихотворений о русской деревне (не менее 10 авторов и 20 произведений) поэтов XIX века (например, Н. А. Некрасов, А. В. Кольцов и др.), первой половины XX века (С. А. Есенин, А. П. Клюев, В. П. Орешин и др.), второй половины XX века (Н. Рубцов, М. Дудин, В. Соколов и др.). Одно из них (на выбор учащегося) выучить наизусть;

2) провести сопоставительный анализ двух стихотворений разных эпох².

Повторение теоретического материала (литературный диктант):

- назовите роды литературы,
- перечислите известные Вам эпические жанры,
- в чём разница между рассказом и новеллой?
- что такое тема произведения? Идея? Проблема? Конфликт?
- назовите композиционные элементы литературного произведения.

Словарная работа (проводится на протяжении всех уроков по произведениям деревенской прозы): «душа», «дух», «духовный», «духовность», «сакральный», «менталитет», «экология»; «артель», «самоловы», «браконьер», «рыбинспектор», «рвачество».

Глубоко нравственные в своей основе ориентиры деревенской прозы очертили круг затрагиваемых в ней проблем, их «масштаб» и составляющие. К 70-м годам из деревенской прозы полностью ушли «хозяйственно-экономические» темы, а первом же плане оказались проблемы экологии души – конфликта человека и Природы, сакральных начал жизни и её духовных истоков. Значимой в «экологической» тематике литературы о русской глубинке стала тема боли и отчаяния жителя деревни, отторгнутого от своих корней волею судеб или добровольно сделавшего выбор в пользу чуждого «природному» образа жизни и образа мысли. Об этом и повесть В. Распутина «Прощание с Матёрой», и рассказ А. Солженицына «Матрёнин двор», и северная сказка Ф. Абрамова

² Второе задание для учеников с высоким уровнем знаний.

«Жила-была сёмужка», и одно из наиболее значимых творений деревенской прозы, стоящий несколько особняком в литературном наследии 70-х годов цикл В. Астафьева «Царь-рыба».

Для закрепления указанного материала возможно выполнение группового задания по подготовке презентации «Жизнь и творчество Виктора Астафьева».

Сборник новелл (или «повествование в рассказах» в определении В. Астафьева) «Царь-рыба» совмещает различные по жанрово-видовой природе формы – от бытового рассказа («Бойе», «Уха на Боганиде», «Сон о белых горах», «Поминки») до пейзажно-философской зарисовки («Капля», «Туруханская лилия»). Однако, несмотря на эту «неоднородность», «Царь-рыба» – цельное, завершённое литературное произведение. Целостность восприятия создаёт такая особенность книги, как объединение новелл «сквозными» персонажами: во-первых, образом героя-рассказчика (хотя в некоторых новеллах, таких, как «Царь-рыба», «Уха на Боганиде», он отсутствует); во-вторых, героями, которые в первых рассказах являются эпизодическими, а в дальнейшем удостаиваются развёрнутого повествования (Командор, Игнатъич, Гога Герцев). Знаковым и также скрепляющим рассказы цикла в художественное целое является лейтмотив неотвратимого наказания человека-браконьера (в самом широком понимании этого слова) за хищническое отношение к Природе.

Тема вероломства человека заявлена уже в первой новелле цикла. На фоне повествования о житейских неурядицах семьи героя-рассказчика – неприкаянности отца, забот мачехи о личной жизни, сиротстве детей, «разбросанных» при живых родителях по детским домам, – малозаметным остаётся убийство собаки, совершённое нелепо и бессмысленно: «Родившийся для совместного труда и жизни с человеком, так и не поняв, за что его убили, пёс проскулил сипло и, по-человечьи скорбно вздохнув, умер, ровно бы жалея иль осуждая кого» («Бойе»). Здесь же в несколько мистической форме автор заявляет и о великодушии Природы, не помнящей зла, и о её спасительной силе: Бойе призраком возвращается к главному герою в самую трудную минуту, спасает его брата Колю.

Именно этой витальной силы Природы не хватает горожанину в его квартирном мирке «со всеми удобствами», где, «закинув у батареи парового отопления», он может лишь мечтать о чём-нибудь «разэтаким». И только на лоне Природы, в лесу, в обычной капле, повисшей на окончании ивового листа, герой прозревает миры, собранные в этой капле, и, прислушиваясь к голосу души, постигает истинные ценности жизни – ДЕТИ и ПРИРОДА («Капля»).

Для освоения данного цикла идей предлагается выполнить следующее задание для самостоятельной (домашней) работы с текстом:

поработайте над фразами из текста: «Дети – это наш суд на миру, наше зеркало, в котором совесть, ум, честность, опрятность нашу – все наголо видать». «Нам только кажется, что мы преобразовали все, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили ее, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнём. ... Мы внушаем себе, будто управляем природой и что пожелаем, то и сделаем с нею. Но обман этот удаётся до тех пор, пока не останешься с тайгой с глазу на глаз, пока не побудешь в ней и не поврачуешься ею, тогда только воньмешь её могущество, почувствуешь её космическую пространственность и величие».

Подготовьте устное размышление-умозаключение на 3–5 мин».

Природа требует от человека заботы, но иногда ей достаточно, чтобы её просто не обижали. Так живёт Дамка – нелепый мужичонка, о судьбе которого Астафьев повествует в одноимённом рассказе. Односельчане его «презирали, но терпели, забавлялись им, считали его, да и всех прочих людей, простодырками, не умеющими жить». Как и многие в посёлке Чуш, герой браконьерствует, но достатка этим не наживает. Ни зла от Дамки, да и пользы никакой нет. Он безобиден, особых хлопот никому не доставляет, потому и Природа особо на него не гневается.

Тем же, кто наживается на ней, – жестоко мстит, как, например, Командору («У Золотой Карги»). Он в душе «хищник», для которого Природа – собственность, а он – её хозяин! Браконьерствует ради наживы, алчен и ненасытен, нещадно рушит хрупкое природное равновесие (например, тогда, когда, избавляясь от улик, тоннами скидывает рыбу в реку). За убийственную

неосторожность по отношению к Кормилице Командор дорого платит: пока гонялся за осетрами да инспекторов по руслу водил, его дочь, красавицу Тайку, задавил пьяный водитель. Однако в одиночку справиться с бедой горе-отец, мнивший себя хозяином положения, не в состоянии: неприкаянный, ни к кому и ни к чему душой не приросший, не способен Командор постичь и спасительной созидающей силы Природы.

Жестокосердие подлого человека в самых низменных его проявлениях раскрыто в образе Грохотало («Рыбак Грохотало»). В прошлом он преступник – по приказу бандеровцев стрелял по своим товарищам из пулемёта; в настоящем – человек без родины: оставшись жить в Сибири, где отбывал срок, так и не стал здесь своим, но сумел приспособиться: «Кроме сала и себя, Грохотало признавал ещё гроши, потому как был рвачом <...>, обучился ловить рыбу, которую сам не ел, продавал всю до хвостика». Берёт от Природы всё возможное и ненавидит тех, кто ему в этом мешает. За собой вины не признаёт, мысли о печальных последствиях своих действий не допускает. Это человек тотальной злобы, дающий ей выход только на слабом и беззащитном, которым всякий раз оказывается ни в чём не повинная жена Грохотало.

Кульминацией «произведения в рассказах» В. Астафьева «Царь-рыба» стала одноимённая центральная новелла. Главный герой, брат Командора Игнатъич, как и всякий здешний рыбак, имеет высокомерную мечту – поймать Царь-рыбу. Это желание «синтезировало» всю заносчивость и самоуверенность гордого человека, который, как в случае с последним желанием старухи из сказки о золотой рыбке, жаждет власти над тем, кто одарил его благами. И «заявила о себе рыбина», но совсем не так, как мыслилось Игнатъичу: мотнула хвостом и уволокла героя в холодную воду на его же самолосы. В ситуации один на один со зверем измотанный Игнатъич приходит к пониманию того, что это он – добыча.

Пойманный на крючок тщеславия, герой осознаёт призрачность своего могущества над рыбой: «Прощенья, пощады ждёшь? От кого? Природа, она, брат, тоже женского рода! Значит, всякому своё, а богу – богово!». В притче

«Царь-рыба» человек – существо беспомощное, но способное обрести силу в единении с сакральными началами бытия. Переосмыслив свою жизнь и её главные устремления, Игнатъич получает шанс на спасение. Попросив прощения у женщины, которую когда-то обидел, герой обретает свободу от расставленных жизнью сетей.

Однако далеко не каждому верит Природа, не всякому выпадает шанс постичь её тайны. Так, не доверяет она приезжим отпускникам-браконьерам («Летит чёрное перо»): чужие они ей – чуждые её духу. Они всего лишь странники на этой земле, потому серьёзного наказания избегают, обходятся денежным штрафом и вряд ли понимают истинный смысл слов рыбинспектора Черемисина, что «... земля наша едина и неделима, и человек в любом месте, даже в самой тёмной тайге должен быть человеком! <...> Че-ло-ве-ком!»

Для освоения данного цикла идей удобна самостоятельная работа учеников в группах для выполнения следующих заданий:

- 1) составьте цитатную характеристику одного из героев (Дамка, Грохотало, Командор, Игнатъич);*
- 2) найдите в тексте рассказов первой части цикла образы-символы (образы с символическим значением). Охарактеризуйте один из них.*

Сюжетно-композиционным центром рассказов второй части сборника становится образ Акима, в котором аккумулированы представления Астафьев об истинном жителе и хранителе Сибири. Интересно, что историю жизни Акимки автор «приберегает» до второй части («Уха на Боганиде»), хотя впервые персонаж появляется ещё в первой новелле первой части. Детство герой проводит в лишениях, взрослая жизнь его ничем не примечательна, занятия – рыбалка да охота – те же, что и у всех остальных.

Но есть в малограмотном, с трудом говорящим по-русски Акиме нутряная близость к Природе: умение договориться с ней («договор» с медведем), не навредить (браконьерство, только чтобы не умереть с голоду), способность откликнуться на чужую беду (откладывает промысел почти на полгода, чтобы спасти незнакомую девушку). И ни в какое сравнение с ним, выросшим

в нищете, воспитанным матерью-«кукушкой», растерявшим младших братьев и сестёр в интернатах и детских домах, не идёт холёный Гога Герцев, выросший в благополучной семье, но не имеющий человеческого стержня (эпизод с медалью Кириги-деревяги).

В целом, в повествовании цикла «Царь-рыба» с каждой последующей новеллой усиливается драматизм. От рассказа к рассказу возрастает напряжение действия до своего кульминационного пика – встречи с Хозяином реки. Динамично нарастают и антихарактеристики героев – от непутёвого, но незлобивого Дамки до матёрого браконьера Командора и тщеславного Игнатъича. Однако глубинный смысл цикла «Царь-рыба» не только в неизбежности наказания для человека-хищника, но и в потаённой, часто игнорируемой людьми возможности примириться с «корневыми» началами Жизни, очиститься и духовно переродиться.

Для усвоения данного цикла идей предлагаются задания:

1) *расположить карточки с названиями новелл в той последовательности, в какой они находятся в цикле В. Астафьева. На выбор учителя кратко пересказать одну из них;*

2) *работа со схемой «Нравственная деградация и духовное возрождение героев цикла „Царь-рыба“».*

Упрощённый вариант работы со схемой (со слабыми учениками): комментирование представленных в схеме данных, их иллюстрирование примерами из текста в свободной беседе-обсуждении.

Для усложнения этого задания при работе в более сильной аудитории оставить пустыми колонки «Наказание» и «Названия новелл» и предложить ученикам заполнить их самостоятельно, устно комментируя свои аргументы.

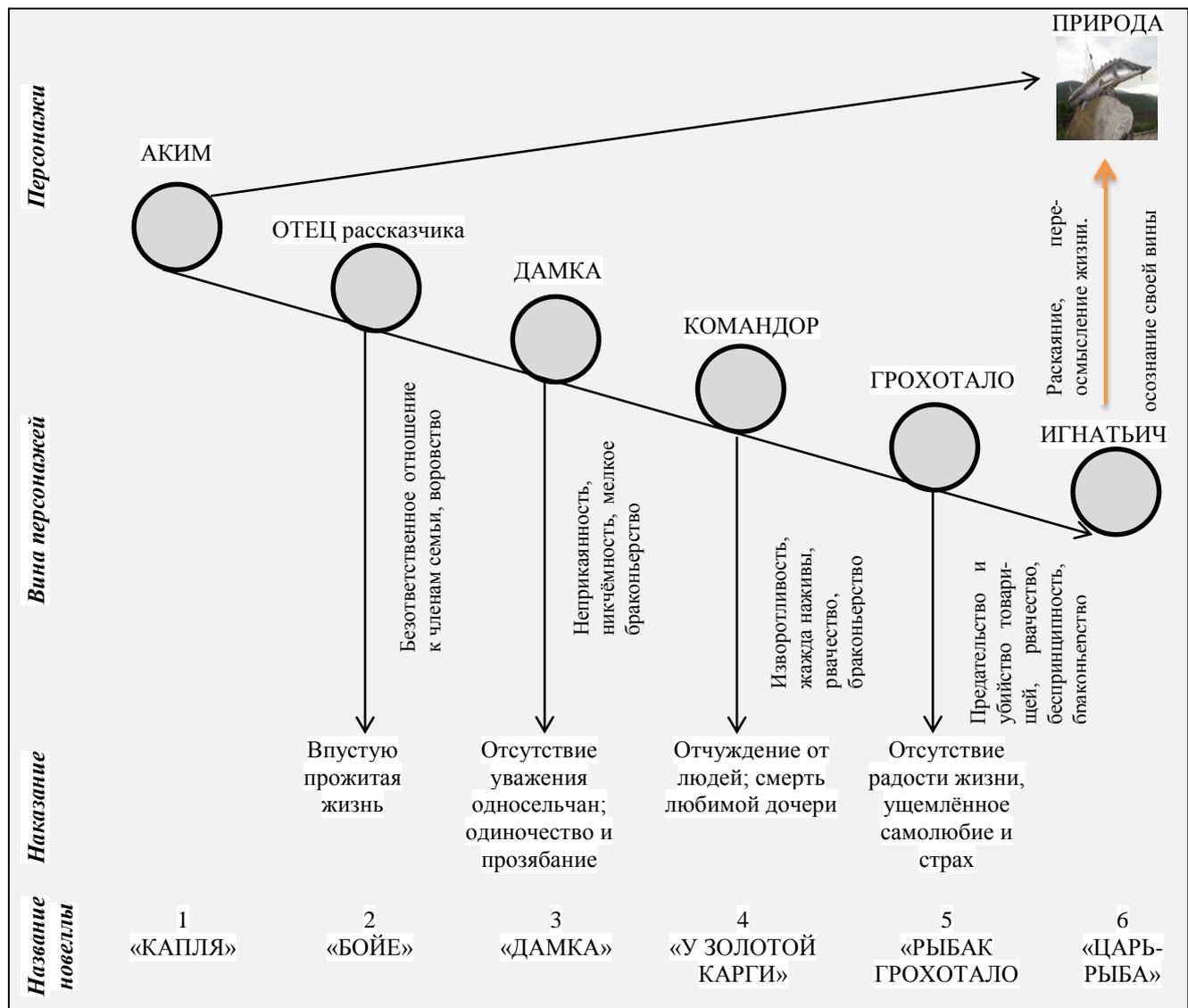

Рис. 1 Схема «Нравственная деградация и духовное возрождение героев цикла „Царь-рыба“»

Не найдя ответов на сложные вопросы «Так что же я ищущу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?», автор обращается к «седой мудрости». В финале своего «повествования в рассказах» В. Астафьев приводит развёрнутую библейскую цитату из Экклезиаста (Книги Проповедника) о своевременности «всякого дела под небесами» – «убивать и... исцелять», «насаждать и... вырывать насаженное». Автор не оспаривает ни одного тезиса Проповедника, но вслед за ним задумывается над тем, какое же время наступило сейчас? Не пора ли собирать некогда в изобилии разбросанные камни?

Ключевым заданием по освоению нравственно-философских смыслов является, на наш взгляд, подготовка к сочинению, темы которого могут быть основаны на доказательстве следующих тезисов:

- 1. Сохраняя ПРИРОДУ, человек сохраняет душу*
- 2. Иногда мироздание сужается до размеров капли*
- 3. Совершая грех, будь готов к возмездию*
- 4. Человек – часть природы, а не её венец*
- 5. Лишь истинное раскаяние заслуживает прощения*
- 6. К созиданию способен только человек с чистой душой*
- 7. Экология души невозможна без экологии природы*

Тема сочинения для сильных учеников «Ответы на какие вопросы хранит в себе книга В. Астафьева „Царь-рыба?“».

Таким образом, представленный методический подход и разработанный в его рамках комплекс заданий позволит сформировать компетенции в области нравственно-духовного развития личности школьника в ходе освоения им богатого массива деревенской прозы.

Литература

1. Алейников, О. Ю. Публицистичность художественной прозы как стилевая проблема (повесть В. Распутина «Пожар») // Проблемы взаимодействия метода, стиля и жанра в советской литературе. – Свердловск, 1990. – С. 142–149.
2. Большакова, А. Ю. Феномен деревенской прозы (вторая половина XX века) : дис. д-ра филол. наук : 10.01.01 [Электронный ресурс] / Большакова А. Ю.; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2002. – 403 с. – URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-derevenskoi-prozy-vtoraya-polovina-khkh-v>.
3. Жиндеева, Е. А. «Деревенская проза» в русской литературе // История русской литературы XX века (советский период) : учеб. пособие / Е. А. Жиндеева, Н. В. Карabanова [и др.]. – Саранск : Мордовский пед. ин-т, 2014. – С. 134–157.
4. Золотусский, И. С. Федор Абрамов: Личность. Книги. Судьба / И. С. Золотусский. – М. : Советская Россия, 1968. – 195 с.

5. Князева, Е. С. «Деревенская проза» : итоги или перспективы развития? / Е. С. Князева // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Проблемы филологии и межкультурной коммуникации. – М., 2010. – С. 178–187.
6. Лихачёв, Д. С. Мощный талант // Земля Федора Абрамова : сборник критических статей / Сост. Л. Крутикова. – М. : Современник, 1986. – 399 с.
7. Мартазанов, А. М. Идеология и художественный мир «деревенской прозы» : В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев, Б. Можаяев : дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Мартазанов А. М. – СПб, 2007. – 276 с.
8. Николаев, П. А. Деревенская проза [Электронный ресурс] // Николаев, П. А. Словарь по литературоведению. – 2004. – URL: <http://nature.web.ru/litera/4.5.html>.
9. Панкин, Б. Д. Строгая литература : Литературно-критические очерки и статьи / Б. Д. Панкин. – М. : Советский писатель, 1982. – 400 с.
10. Соколова, Л. В. К вопросу о жанровых модификациях в новейшей прозе / Л. В. Соколова // Вопросы лингвопоэтики и литературоведения. – М., 1990. – С. 145–152.
11. Ханбеков, Л. В. Веленьем совести и долга : очерк творчества Федора Абрамова / Л. В. Ханбеков. – М. : Современник, 1989. – 173 с.

References

1. Alejnikov, O. Ju. Publicistichnost' hudozhestvennoj prozy kak stilevaja problema (povest' V. Rasputina «Pozhar») // Problemy vzaimodejstvija metoda, stilja i zhanra v sovetskoj literature. – Sverdlovsk, 1990. – S. 142–149. (*in Russian*)
2. Bol'shakova, A. Ju. Fenomen derevenskoj prozy (vtoraja polovina XX veka) : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.01.01 [Jelektronnyj resurs] / Bol'shakova Alla Jur'evna; MGU im. M. V. Lomonosova. – M., 2002. – 403 s. – URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-derevenskoi-prozy-vtoraya-polovina-khkh-v>. (*in Russian*)
3. Zhindeeva, E. A. «Derevenskaja proza» v russkoj literature // Istorija russkoj literatury XX veka (sovetskij period) : ucheb. posobie / E. Zhindeeva,

N. Karabanova [i dr.]. – Saransk : Mordovskij ped. in-t, 2014. – S. 134–157. (*in Russian*)

4. Zolotusskij, I. S. Fedor Abramov: Lichnost'. Knigi. Sud'ba / I. S. Zolotusskij. – M. : Sovetskaja Rossija, 1968. – 195 s. (*in Russian*)

5. Knjazeva, E. S. «Derevenskaja proza» : itogi ili perspektivy razvitija? / E. S. Knjazeva // Rossija i mir: vchera, segodnja, zavtra. Problemy filologii i mezhkul'turnoj kommunikacii. – M., 2010. – S. 178–187. (*in Russian*)

6. Lihachjov, D. S. Moshhnyj talant // Zemlja Fedora Abramova : sbornik kriticheskikh statej / Sost. L. Krutikova. – M. : Sovremennik, 1986. – 399 s. (*in Russian*)

7. Martazanov, A. M. Ideologija i hudozhestvennyj mir «derevenskoj prozy» : V. Rasputin, V. Belov, V. Astaf'ev, B. Mozhaev : dis. ... d-ra filol. nauk: 10.01.01 / Martazanov Arsamak Magomedovich. – SPb, 2007. – 276 s. (*in Russian*)

8. Nikolaev, P. A. Derevenskaja proza [Elektronnyj resurs] // Nikolaev, P. A. Slovar' po literaturovedeniju. – 2004. – URL: <http://nature.web.ru/litera/4.5.html>. (*in Russian*)

9. Pankin, B. D. Strogaja literatura : Literaturno-kriticheskie ocherki i stat'i / B. D. Pankin. – M. : Sovetskij pisatel', 1982. – 400 s. (*in Russian*)

10. Sokolova, L. V. K voprosu o zhanrovych modifikacijah v novejshej proze / L. V. Sokolova // Voprosy lingvopojetiki i literaturovedenija. – M., 1990. – S. 145–152. (*in Russian*)

11. Hanbekov, L. V. Velen'em sovesti i dolga : ocherk tvorčestva Fedora Abramova / L. V. Hanbekov. – M. : Sovremennik, 1989. – 173 s. (*in Russian*)